

Оригинальная статья

УДК 16; 172.1; 172.3, 172.4

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-4-41-60>

Благими намерениями рынка: к вопросу об этической оценке приватизации восточногерманских предприятий в 1990–1994 гг.

Василий Анатольевич Миронов

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
mironov@mail2000.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5535-3899>*

В статье рассматривается проблема этической оценки ликвидации ГДР как государственной структуры и ее интеграции в политическое и экономическое пространство ФРГ. Согласно ряду исторических и социологических источников, «воссоединение» стало не причиной поиска и нахождения общего языка между западными и восточными немцами, а наоборот, причинами раздора и глубокого взаимного недоверия и отторжения. На этом основании в работе анализируются взгляды обеих сторон, а также проводится философская рефлексия над ценностными основаниями (этическими аксиомами) ключевых оценочных позиций как восточных, так и западных немцев в отношении действий западногерманского правительства, условий заключения валютного союза двух Германий, а также в отношении приватизаций восточногерманских предприятий.

Ключевые слова: приватизация, Восточная Германия, ГДР, ФРГ, объединение Германии, воссоединение, Тройханд, Тройханданштальт, плановая экономика, рыночная экономика, этика, мораль, этические аксиомы

Для цитирования: Миронов В. А. Благими намерениями рынка: к вопросу об этической оценке приватизации восточногерманских предприятий в 1990–1994 гг. // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4. С. 41–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-41-60.

Original paper

Seeing Like a Market: to the Question of the Ethical Assessment of the Privatization of East German Companies in 1990–1994¹

Vasiliy A. Mironov

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
mironov@mail2000.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5535-3899>*

The article deals with the problem of ethical assessment of the liquidation of the GDR as a state structure and its integration into the political and economic space of the FRG. According to a number of historical and sociological sources, “reunification” was not the reason for the search and finding of a common language between West and East Germans, but, on the

© Миронов В. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

¹ Название «Благими намерениями рынка...» переведено на английский как «Seeing Like a Market...» намеренно, так как это отсылка к книге Дж. Скотта «Seeing Like a State». Ее перевод на русский звучит как «Благими намерениями государства», в ней критикуются государственные инициативы по улучшению жизни общества.

contrary, the reasons for discord and deep mutual distrust and rejection. On this basis, the work analyzes the views of both sides, and also conducts a philosophical reflection on the value bases (ethical axioms) of the key evaluative positions of both East and West Germans regarding the actions of the West German government, the conditions for concluding a monetary union of the two Germanys, as well as in relation to privatizations East German companies.

Keywords: privatization, East Germany, GDR, DDR, German unification, Wiedervereinigung, Treuhand, Treuhandanstalt, planned economy, market economy, ethics, morality, ethical axioms

For citation: Mironov, V.A. (2023), "Seeing Like a Market: to the Question of the Ethical Assessment of the Privatization of East German Companies in 1990–1994", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 4, pp. 41–60. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-4-41-60 (Russia).

На сегодняшний день споры о социалистическом прошлом, переходном периоде от социализма к капитализму, а также о настоящем капитализма в постсоциалистических странах не просто не утихают, но набирают все большую остроту. В связи с этим главной целью данного исследования является поиск методологии этической оценки действий политических сил во время радикального политического и экономического переустройства. Учитывая то, что каждый случай радикального переустройства общества разный и порой даже уникальный, в рамках данного исследования в качестве эмпирического материала для философских размышлений была взята история, касающаяся ликвидации ГДР как государственной структуры и вхождения ее территорий и экономики в состав Западной Германии – ФРГ. В качестве исторических источников использовано интервью [1, 2] Маркуса Бьейка, автора фундаментального труда о приватизации восточногерманских предприятий «Тройханд. Идеи. Практика. Опыт 1990–1994» [3]; работа Фрица Вилмара «Обратная сторона объединения Германии» [4] и др.

Данная работа проводилась в три этапа.

1. На первом этапе на основе работы «Логика нарративных возможностей» Клода Бремона [5] события по «воссоединению» (*Wiedervereinigung*) Германии схематично представлены по схеме «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии». Рассмотрение данной точки зрения необходимо для представления позиции восточных немцев, которая является отправной точкой проблематизации интегрирования восточной Германии в новую политическую и экономическую систему. Без понимания сути претензий восточных немцев к политике, которую проводили политики Западной Германии по отношению к Восточной Германии, невозможно понять истоки конфликта.

2. На втором этапе произведен аксиоматический анализ ключевых оценочных и ценностных позиций правительства ФРГ и бывших сотрудников Тройханданштальт, Тройханд (*die Treuhandanstalt, Treuhand*) – организации, занимавшейся процессом приватизации всех восточногерманских предприятий после ликвидации ГДР как государственной структуры. Иными словами, проведен аксиоматический анализ оценочных позиций, противоположных позиции, выраженной в схеме «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии».

3. На третьем этапе проведена *инверсионная трактовка* событий (где субъекты – ФРГ и ГДР – меняются местами) в целях проверки корректности примененной схемы «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии».

Схема «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» Клода Бремона и ее применение к трактовке событий по «воссоединению» ФРГ и ГДР.

Статья Клода Бремона «Логика нарративных возможностей» представляет собой в некотором смысле пособие по тому, как нужно писать художественное повествование и как оно может быть написано. Как считает сам Бремон, нарративные структуры берутся не из фантазии автора повествования, а из повседневного житейского опыта, структуры которого понятны всем: «Элементарным нарративным типам соответствуют наиболее общие формы человеческого поведения. Задача, договоренность, ошибка, ловушка и т. д. – это универсальные категории. Сеть их внутренних артикуляций и их взаимных отношений априори определяет поле возможного опыта» [5, с. 406]. Учитывая, что нарративные структуры являются схемами возможного человеческого опыта, представим взаимоотношения, складывавшиеся между Западной и Восточной Германией в 1980–1990-х гг., в рамках универсальной схемы К. Бремона «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» [5, с. 398] (см. схему – с. 44).

Несомненно, данная схема является существенным упрощением сложных, многогранных и многоуровневых событий. Однако при этом она является, выражаясь в терминологии Хайдеггера и Гадамера, первым предварительным наброском понимания интересующих нас событий. Согласно герменевтической традиции XX в. невозможно подойти к исследованию объекта с нейтральной стороны, ибо даже сама нейтральность уже является определенным ракурсом рассмотрения. А если это так, то, на наш взгляд, нужно исходить не из нейтральной позиции, а из той позиции, которая помогла бы раскрыть наибольшее количество проблемных и важных моментов в исследуемом историческом событии или периоде. И в качестве такой изначальной позиции была выбрана вышеуказанная схема Бремона, примененная к интересующей нас ситуации – интеграции ГДР в политическое и экономическое пространство ФРГ.

При выборе и построении данной схемы мы исходили из следующих первоначальных допущений и точек зрения. Во-первых, при построении схемы была принята за основу следующая позиция восточных немцев: «Эта аннексия была обманом, а для многих бывших граждан ГДР – прекрасным самообманом» [6]. Данное суждение опубликовано в рамках статьи под названием «Аннексия ГДР» (Die Annexion der DDR) без указания авторства на сайте организации «Свободная немецкая молодежь» (Freie Deutsche Jugend, FDJ)¹. О разочаровании восточных немцев от «объединения» также упоминает и немецкий историк Маркус Бьёик: «Для многих восточных немцев Тройханд является символом того, что процессы объединения двух Германий после 1990 г. не оправдали их надежд и ожиданий» [1, с. 45]. Поэтому мы исходили из предположения, что позиция об «обмане восточных немцев западными немцами» разделяет если не большинство, то значительное число восточных немцев, особенно старшего поколения. Во-вторых, данная схема построена с позиций историка, а не очевидца, т. е. уже после свершившихся событий, и претендует на отражение ключевых этапов по разрушению ГДР как политического и социально-экономического субъекта. В-третьих, при построении данной схемы мы представляли обе Германии как отдельные, целостные и самостоятельные субъекты, оставляя за скобками политические конфликты элитарных групп внутри как Западной, так и Восточной Германии.

¹ «Свободная немецкая молодежь» – молодежная организация, во времена ГДР была аналогом советского комсомола, но в отличие от последнего сегодня еще функционирует, хотя и в довольно усеченном виде. Благими намерениями рынка: к вопросу об этической оценке приватизации восточногерманских предприятий... 43
Seeing Like a Market: to the Question of the Ethical Assessment of the Privatization of East German Companies...

Первый этап

Точка зрения агрессора-обманщика – ФРГ:

- ✓ Нужно устранить противника – ГДР:
 - ГДР нужно заманить в ловушку:
 - Нужно убедить восточных немцев, что им будет лучше при капитализме и «демократии».
 - Пропаганда легкой и богатой жизни в Западной Германии.
 - Обман совершен. Восточные немцы поверили обману.

Второй этап

Точка зрения жертвы обмана и агрессии:

- ✓ Ошибка стала возможной. Возникла идея интеграции в пространство ФРГ.
- ✓ Процесс совершения ошибки: массовые митинги и демонстрации против властей ГДР и за «демократию».
- ✓ Ошибка совершена: падение Берлинской стены, валютный союз, ликвидация ГДР как государственной структуры.

Третий этап

На этом этапе агрессор-обманщик раскрывается и становится просто агрессором:

- ✓ Шанс ухватиться за ошибку. Шанс, пока восточные немцы не поняли, что все это было обманом, уничтожить альтернативную Германию (ГДР) как политического и экономического конкурента.
- ✓ Воспользоваться шансом. Интеграция Восточной Германии в правовое поле ФРГ:
 - Ущерб, который нужно нанести:
 - Ликвидировать госструктуры ГДР.
 - Провести невыгодный для ГДР валютный союз.
 - Приватизировать собственность ГДР, тем самым уничтожить экономику и культурную жизнь страны.
 - Процесс агрессии:
 - Ликвидация государственности ГДР.
 - Заключение валютного союза.
 - Ликвидация ГДР как политического и экономического субъекта.
 - Запуск в работу Тройханда (уничтожение экономики Восточной Германии и большинства ее социально-культурных институтов).
- ✓ Шанс использован. ГДР уничтожена как политический, экономический и культурный субъект:
- ✓ Ущерб нанесен. Агрессия удалась:
 - ГДР ликвидирована (экономика, культурная жизнь и социальные службы ГДР уничтожены).

Четвертый этап (происходит синхронно с третьим)

Точка зрения агрессора:

- ✓ Процесс улучшения для ФРГ. Вливание новых денег в экономику ФРГ от приватизации и распродажи предприятий бывшей ГДР.
- ✓ Противник устранен, ГДР уничтожена.

*Схема «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии»
The Schema “Aggressor/Victim of Trap and Aggression”*

Схематичное представление ФРГ и ГДР как самостоятельных и цельных субъектов также указывает на то, что действия ФРГ в качестве политического, экономического и культурного субъекта определены в указанной выше схеме как активные, доминирующие

и целенаправленные. Необходимость рассмотрения действий ФРГ как более активного субъекта во взаимоотношениях двух Германий возникает, с одной стороны, вследствие того, что представители ФРГ доминировали в политике и экономике после ликвидации ГДР как государственной структуры. К тому же восточные немцы были отстранены от принятия жизненно важных решений, касающихся не только политической, но и экономической жизни Восточной Германии. Маркус Бьёик утверждает, что после того как Восточная Германия перешла под юрисдикцию ФРГ, «западная сторона сказала, что как-то надо организовать процесс передачи собственности ГДР, но под это отдельное министерство создаваться точно не будет. Также нежелательно было все оставлять на откуп “новым землям”¹, ведь там предприятия каким-то образом еще на тот момент продолжали свою работу и, скорее всего, старые генеральные директора попытаются остаться на своих местах и стать предпринимателями. А это для западногерманского правительства было недопустимо. Было сказано: мы не просто приберем к рукам ваше попечительское учреждение – Тройханд, но и посадим туда на руководящие должности опытных западногерманских руководителей из числа менеджеров и предпринимателей. Никаких бюрократов и политиков там не должно быть, нам нужны только опытные рыночные экономисты» [1, с. 53]. В связи с тем, что, как пишет Бьёик, «социалистические предприятия помимо всего прочего выполняли перед населением еще и важнейшие культурные и социальные задачи» [1, с. 51], при отстранении восточных немцев от принятия решений, касающихся судьбы социалистических предприятий, население бывшей ГДР также было отстранено и от принятия решений в отношении культурных и социальных учреждений. Следовательно, восточные немцы после выборов и победы на них команды Гельмута Коля в марте 1990 г. уже никак не могли повлиять на решения западногерманского правительства в сфере политики, экономики и культурной жизни Восточной Германии. Доминирование западных немцев на только что присоединенных «новых землях» в 1990-х гг. является общепризнанным фактом, который не отрицает ни та, ни другая сторона.

Если исходить из допущения, что ФРГ проявляла себя как цельный, активный и доминирующий субъект, то необходимо допустить наличие у руководства ФРГ определенной и осмысленной цели. Сложно представить, что все действия Федерального правительства Германии в отношении «новых земель» были спонтанны, случайны и необдуманны. Такое допущение мы отвергаем. Следовательно, стоит допустить, что действия руководства Западной Германии были обдуманны и имели определенное целеполагание. И здесь необходимо снова обратиться к работе Бремона, который пишет, что всякое осмысленное действие субъекта имеет цель и «независимо от того, желаем мы этого или опасаемся их [действующих лиц – В.М.], цель управляет порядком действий, которые следуют друг за другом и образуют иерархии и дихотомии в соответствии с нерушимым порядком. Когда человек в реальной жизни составляет план, исследует в уме возможное развитие ситуации, размышляет о предпринятых действиях, вспоминает этапы прошлого события, он формирует первые повествования, которые мы можем себе представить» [5, с. 406]. Иными словами, придание доминирующему и активному субъекту цели позволяет связать воедино

¹ «Новыми землями» называлась территория Восточной Германии, которая полностью перешла под юрисдикцию ФРГ после ликвидации ГДР как государственной структуры.

все его действия. Об этом Бремон пишет следующее: «У рассказчика, который хочет упорядочить хронологическую последовательность событий, о которых он рассказывает, придать им смысл, нет другого выхода, кроме как связать их вместе в единстве действия, направленного к цели» [5, с. 406].

Следовательно, для того чтобы история приватизации восточногерманских предприятий могла уложиться в единый и цельный рассказ, историку придется прибегнуть к наделению ключевых субъектов определенным целеполаганием, даже если у историка нет достаточных оснований для этого. Наделение субъекта определенным целеполаганием тем самым является средством раскрытия логики исследуемых событий. При этом историку нужно иметь в виду, что в процессе исследования могут вскрываться факты, меняющие представление о мотивах субъектов и их целеполагании. Но, несмотря на это, с чего-то историку надо начинать свое исследование. И в самом начале, на наш взгляд, вполне допустимо такие сложные и неоднородные субъекты, как государства, наделять цельной субъектностью и единым целеполаганием. Например, представленная схема предлагает рассматривать события приватизации в историческом контексте, где цель Западной Германии (ФРГ) – посредством обмана уничтожить своего политического, культурного и в некоторых областях экономического конкурента – Германскую Демократическую Республику. К тому же наделение таким целеполаганием Федеративной Республики Германии указывает на важность анализа событий до валютного союза, а также до ликвидации ГДР как государственной структуры и до проведения приватизации на территории Восточной Германии. Иными словами, целеполагание ФРГ указывает на более глубокие и более ранние причины развернувшихся драматических событий для восточных немцев после «объединения» (*Wiedervereinigung*). Кроме того, указанная схема отношений ФРГ и ГДР претендует на некоторую целостность и, следовательно, помогает хотя бы при первом приближении понять суть проблемы, суть конфликта Востока и Запада Германии.

Точка зрения обманутого и трактовка его ошибочных действий.

В системе отношений «агрессор-обманщик/жертва обмана и агрессии» позиция обманутого не менее значительна, чем позиция обманщика. Здесь стоит обратить внимание на некоторые базовые характеристики ошибочных действий, которые приводит К. Бремон: «Процесс ошибки можно охарактеризовать как задачу, выполняемую в обратном порядке: поскольку его [агента – В.М.] вынуждают ошибаться, агент приводит в действие средства, необходимые для достижения результата, противоположного собственной цели, или для уничтожения преимуществ, которые он хочет сохранить. По мере выполнения этой обратной задачи вредные процессы рассматриваются как средства [необходимые для достижения цели – В.М.], в то время как правила, принятые для получения или сохранения преимущества, рассматриваются как препятствия» [5, с. 401]. В нашем случае, опираясь на предложенную схему «обманщика-агрессора/жертвы агрессии и обмана», шаги Восточной Германии в сторону интеграции с Западной Германией можно отнести к ошибочным оценкам и решениям. Такими «шагами» можно назвать «понедельничные демонстрации» в Лейпциге, а также демонстрации в других городах против руководства ГДР и за объединение двух Германий, а также за валютный союз, при котором марка ГДР будет заменена на марку ФРГ. Фриц Вилмар пишет о тех событиях следующее: «Согласно опросам, эконо-

мический подъем и быстрая валютно-кредитная реформа были одними из главных вопросов, которые волновали восточных немцев, и три четверти населения были проникнуты идеей объединения. Эти же вопросы поднимались и звучали в рамках лозунгов на понедельничных демонстрациях в Лейпциге: вопрос объединения, валютный вопрос, вопросы продуктов питания и рыночной экономики. Посыл был четким: “Западную немецкую марку (Deutsche Mark), немедленно!” или “Если марка не придет к нам, мы придем к ней!”» [4, с. 22]. Считалось также, что такие лозунги, как «Wir sind das Volk» («Мы – народ», в смысле «мы здесь власть, и мы против политического руководства страны»), и «Wir sind ein Volk» («Мы – один народ», т. е. «Мы выступаем за объединение двух Германий») выражали мнение большинства. Вилмар также об этом пишет: «В начале 1990 года произошел политический перелом, в результате которого возникло консервативное народное движение, которое уничтожило все идеи [о постепенной интеграции Восточной Германии в рыночную систему ФРГ – В.М.]. Волеизъявление большинства в стране или лозунг протестующих “Wir sind das Volk” уступил место лозунгу “Wir sind ein Volk”» [4, с. 16].

На сегодняшний день существует довольно большое количество документальных фильмов, где используются одни и те же кадры кинохроники, на которых восточные немцы с радостью крушат Берлинскую стену в ноябре 1989 г., а также кадры радости молодых восточных немцев по поводу валютного союза от 1 июля 1990 г. Подобные кадры можно увидеть в документальном фильме 2012 г. «Goldrausch: die Geschichte der Treuhand» («Золотая лихорадка: история Тройханда») режиссера Дирка Лаабса (Dirk Laabs).

В рамках выбранной нами схемы реакции восточногерманского населения в виде протестов против правительства ГДР, а также радости от крушения Берлинской стены и заключения валютного союза двух Германий можно трактовать в «обратном порядке», так как в соответствии с нашей гипотезой (схемой) это были действия обманутого (обманутых). Если считать, что восточные немцы были обмануты, то вполне естественно, что они воспринимали пагубные для страны действия и решения как правильные и полезные. В свою очередь, при такой «обратной» мировоззренческой установке, если следовать идеям Бремона, все действия, направленные на препятствие интеграционным процессам, должны были восприниматься и воспринимались обманутыми восточными немцами и их «союзниками» (западногерманским правительством) как враждебные: «В этой ситуации к союзнику, который воплощает правильное решение, относятся как к противнику, а к противнику, который помогает не допустить правильное решение, относятся как к союзнику» [5, с. 402].

И это, действительно, было так: СМИ и государственные органы Западной Германии, выставляли сторонников сохранения ГДР как государства «врагами демократии и прав человека». Например, такими «врагами» стали первые лица Германской Демократической Республики, включая первого (генерального) секретаря ЦК СЕПГ ГДР Эриха Хонеккера, которого еще в 1987 г. западногерманское правительство принимало как легитимного руководителя признанной на международном уровне страны: «В 1987 году канцлер Гельмут Коль организовал прием Эрику Хонеккеру со всеми почестями, полагающимися главам государств» [4, с. 11]. Но уже через четыре года в ноябре 1990 г. на тот момент уже бывший глава ГДР был подвергнут уголовному преследованию со стороны западногерманских

правоохранительных органов [7] за закон от 1961 г., по которому пограничники ГДР могли стрелять в нарушителей границ и в итоге приводили в исполнение такой приказ в отношении граждан ГДР, пытавшихся нарушить государственную границу и убежать из Восточного Берлина в Западный. Также в новой Германии вне закона оказалось Министерство государственной безопасности ГДР (Ministerium für Staatssicherheit), значительная часть сотрудников которого, включая пограничников, подверглась уголовному преследованию. Члены Социалистической Единой Партии Германии подверглись люстрации – запрету на право занимать государственные посты и должности.

Осознание всей пагубности того типа интеграции, которое было проведено западно-германским правительством, бывшим гражданам ГДР пришлось только вместе с тяжелейшими экономическими и социальными потрясениями. Например, помимо люстрации и уголовного преследования государственных деятелей ГДР, а также тотальной безработицы, восточные немцы столкнулись еще и с тем, что их профессиональное образование и стаж, полученный в ГДР, никак не учитывались в новой Германии. На этот счет стоит привести слова Маркуса Бьёика: «Если все выразить в двух словах, то резкое крушение социализма обесценило все, что было до объединения... Прежние заслуги, прежний опыт работы стали никому не нужны в новой объединенной Германии» [1, с. 51–52]. Иными словами, даже при переезде восточных немцев в Западную Германию им было сложно найти работу, но даже если это и удавалось, то заработная плата была у них значительно ниже, чем у западных за ту же работу. Стоит отметить, что самыми уязвимыми в этой ситуации оказались восточногерманские женщины. Как отмечает Ф. Вилмар: «Женщины особенно сильно пострадали от объединения как на профессиональном, так и на личном уровне. Например, их психическая дезориентация нашла свое отражение в экстремальной реакции: чтобы увеличить свои шансы на возвращение к трудовой деятельности, многие из них добровольно проходили процедуру стерилизации. Для сравнения, за 1989 год Магдебургская больница провела восемь стерилизаций, тогда как в 1991 году их число возросло уже до 1200, в Восточном Берлине число стерилизаций увеличилось в семь раз в период с 1989 по 1992 год» [4, с. 173–174].

После того, как восточные немцы массово осознали, что же на самом деле с ними произошло, произошла и глубокая переоценка того «рыночного рая», в который они стремились. Рабочие закрываемых предприятий массово выходили на протесты, и, как показано в документальном фильме «Goldrausch: die Geschichte der Treuhand», дело даже доходило до погромов и пожаров. В своем интервью Маркус Бьёик рассказывает и о том, как восточные немцы пытались сопротивляться бескомпромиссной приватизации, проводимой Тройхандом: «Конечно, это коснулось и меня, я хоть и обрывисто, но все-таки помню, как люди агрессивно спорили и выходили на протесты по поводу закрытия большого завода в моем родном городе Хеттштедте. Конфронтация шла, как и полагается, еще и в средствах массовой информации. Например, в коммуне Бишоффероде летом 1993 г. был большой голод, вернее, голод был не столько большим, сколько громким из-за начавшейся там массовой голодной забастовки, прогремевшей тогда на весь мир. Забастовку организовали шахтеры предприятия по добыче калия» [1, с. 46].

Нетрудно заметить, что драматические события 1990–1994 гг. в Восточной Германии, почти никак не освещались и не освещаются центральными СМИ ни в самой Германии, ни

в постсоветской России, где проблема приватизации социалистических предприятий также близка населению. Однако такая недосказанность не только не решает проблему, но и в некотором смысле придает ей «хронический» характер с периодическими фазами обострения. Например, одно из таких «обострений» произошло совсем недавно. Об этом можно судить по интервью М. Бьёика, в котором он обращает внимание на то, что приватизация восточногерманских предприятий в современной Германии с недавних пор снова стала темой жарких дискуссий в публичной сфере: «С 2015 года интерес к этой теме, я бы сказал, начал просто зашкаливать. А в 2018 и в 2019 году прошли особенно острые и интенсивные дискуссии на всех уровнях, в которых приняли активное участие политики, ученые, журналисты и представители искусства» [2]. Далее постараемся проанализировать самые популярные, на наш взгляд, оценочные позиции в отношении приватизации восточногерманских предприятий в период с 1990 по 1994 г.

Аксиоматический анализ оценочных этических позиций в отношении приватизации в Восточной Германии 1990–1994 гг.

Приступая к философско-методологическому анализу этических позиций в политике, на наш взгляд, нельзя не учитывать идеи Аласдера Макинтайра, выраженные в его книге «После добродетели». В ней автор утверждает, что незавершенность и неразрешимость политических дебатов кроется в незавершенности и неразрешимости этически ценностных позиций: «Моральная философия, как она повсеместно понимается, отражает дебаты и разногласия культуры столь верно, что ее противоречия оказываются неразрешимыми точно так же, как неразрешимы сами политические и моральные дебаты» [8, с. 340]. Причем, согласно Макинтайру, моральные и политические противоречия неразрешимы не вследствие того, что в спорах «присутствует неудовлетворительный личностный произвол» [8, с. 14], а в силу того, что даже логически выверенные этические позиции зачастую строятся на несопоставимых изначальных основаниях (логических посылах). Макинтайр по этому поводу пишет: «От конкурирующих заключений мы можем перейти к конкурирующим посылам, но на уровне одних лишь посылок исчезает аргумент, и сопоставление посылок становится просто сопоставлением утверждения и контрутверждения. Вероятно, по этой причине моральные дебаты ведутся в таком настойчивом тоне» [8, с. 14].

Этические ценности, выступающие в качестве изначальных логических посылок, из которых выстраивается целостная этическая позиция, будем называть *этическими аксиомами*. Иными словами, этической аксиомой будет нами именоваться та основополагающая ценность, которая принимается без доказательств и не может быть подвергнута серьезному пересмотру либо отмене. В связи с этим можно выделить как минимум два типа этических аксиом. Первый тип – это умозрительные аксиомы, которые могут быть реализованы на практике, но при этом могут не приниматься людьми или отдельным человеком в качестве ключевой основы мировоззрения. К такому типу этических аксиом можно отнести верховенство государственной (общественной) собственности на средства производства. Несомненно, в соцстранах было большое количество людей, которые могли принимать такую аксиому как культурно имманентную, однако, на наш взгляд, такая «социалистическая аксиома» не успела стать культурно имманентной аксиомой для подавляющего большинства населения в странах социалистического лагеря.

Второй тип этических аксиом – это культурно имманентные этические аксиомы, которые люди могут рационально даже не осознавать, но при этом такие аксиомы могут быть фундаментом мировоззрения человека. Вероятно, когда Макинтайр утверждает, что моральные противоречия неразрешимы, скорее всего, он указывает на то, что иррационально принятые этические аксиомы не могут быть никак опровергнуты в процессе дискуссии. Примером такого типа аксиомы может являться верховенство и безусловная ценность частной собственности¹ (*private property*), причем частной в англо-американском смысле, где в частную сферу могут входить как личные отношения в семье, так и владение транснациональным бизнесом с многотысячным штатом сотрудников.

Стоит также отметить, что этические аксиомы могут и не быть привязаны к какому-либо типу собственности, поэтому можно предположить, что этической аксиоматической ценностью может выступать духовное и (или) материальное благополучие человека. И подобные аксиомы благополучия, на наш взгляд, могут быть как культурно имманентными, так и умозрительными. Вряд ли когда-либо получится составить конечный список типов аксиом, поэтому ограничимся лишь тремя и перейдем к аксиоматическому анализу высказываний, касающихся процесса и результатов приватизации в Восточной Германии.

Этическая позиция № 1. «Восточные немцы сами хотели капитализма».

Первую этическую позицию, которая не теряет своей популярности в западной Германии, можно сформулировать следующим образом: «Восточные немцы сами хотели капитализма и получили его». С таким высказыванием в некотором смысле солидарен и Маркус Бьёик: «Самое трагичное здесь то, что восточные немцы сами захотели строить капитализм. Они сделали выбор, проголосовав подавляющим большинством на выборах в Народную палату ГДР за те партии, которые были за объединение с ФРГ» [2]. На первый взгляд, может показаться, что *ossi* (восточные немцы) действительно сами ходили на демонстрации и выражали свое позицию как на улицах, так и на выборах в пользу интеграции с ФРГ. Однако, если вдуматься в смысл данного высказывания, то можно обнаружить, что оно содержит в себе нарушение логического закона тождества, согласно которому значение понятий и высказываний не должно меняться в процессе логической операции. Иными словами, восточные немцы хотели капитализма с обещанным Гельмутом Колем процветанием («*blühende Landschaften*»), а не капитализма с тотальной безработицей и поражением в правах восточногерманского населения сразу же после объединения. Стоит привести контраргумент на это высказывание одного из восточных немцев из уже упоминавшейся статьи «Аннексия ГДР» (*Die Annexion der DDR*): «Много людей из ФРГ говорят, что эту аннексию тем не менее сильно хотел сам народ ГДР. Мы не знаем таких, кто бы в едином порыве в 1989 году выходил на улицы и требовал: “Я хочу стать безработным! Я хочу участвовать в

¹ В отечественной традиции было принято разделять личную и частную собственность, где личная собственность – это то, что является необходимым для жизни каждого человека: одежда, личный транспорт в личных нуждах, жилище и т. д. Также к личной жизни относили личные отношения в семье, с друзьями и т. д. Тогда как частная собственность в нашей стране долгое время понималась как собственность на средства производства и все производственные отношения, в том числе отношения «начальник–подчиненный» трактовались как общественные отношения. Но в английском языке семантической разницы между личной и частной собственностью нет, и все это относится к *privacy* – частной жизни гражданина.

следующей войне!»¹ [6]. Это, в свою очередь, явно указывает на то, что восточные немцы не хотели такого капитализма, с которым они столкнулись в новой Германии.

Также стоит задаться вопросом: если действительно восточные немцы поверили Гельмуту Колю, то тогда из какой этической аксиомы они исходили при отказе от социализма и переходе в капитализм? Вероятно, такой этической аксиомой было благополучие и, возможно, в большей степени материальное благополучие вне зависимости от доминирования государственного (общественного) или частного типов собственности. Такая аксиома, разумеется, всегда неполна и требует дополнительных аксиом и правил, ведь в ней не оговариваются средства, пути и возможности достижения благополучия. Однако такой аксиомы придерживалось население Восточной Германии, и с такой аксиоматической ценностью необходимо считаться.

К тому же само высказывание *«восточные немцы сами хотели капитализма»*, несомненно, является, с одной стороны, обвинением восточных немцев в недальновидности или непоследовательности, с другой стороны – оправданием катастрофических для Восточной Германии рыночных преобразований после «объединения». Само это высказывание зиждется на аксиоматической ценности непогрешимости и, может быть, даже святости частной собственности на средства производства. Иными словами, согласно такому высказыванию, что бы ни было сделано во благо частной собственности, вне зависимости от последствий – это самый правильный путь общественного развития, который не может быть подвергнут критике.

Этическая позиция № 2. «Восточные немцы сами виноваты, что строили плановую экономику».

Вторую этическую позицию мы взяли из интервью М. Бьёика, где он указывает на то, как смотрели на приватизацию некоторые сотрудники Тройханданштальт, т. е. те, кто непосредственно занимался продажей восточногерманских предприятий западным инвесторам либо же их банкротством: «Все, что проходило через Тройханд, относилось в прошлом целиком и полностью к плановой экономике, и в этом уже виноваты Хонеккер и Миттаг, но, несмотря на это, было спасено хотя бы то, что еще можно было спасти» [2]. С одной стороны, упрек восточных немцев в том, что они строили плановую экономику, может показаться крайне слабым в том смысле, что ГДР относилась к советской зоне оккупации и, следовательно, восточные немцы не могли не выстраивать плановую экономику. Однако даже такая «защита» просто перекладывает ответственность с восточных немцев на советское руководство за построение планового хозяйства в стране. Здесь, на наш взгляд, стоило бы акцентировать внимание именно на том, что этот аргумент сформулирован не столько против плановой экономики, которая была выстроена в ГДР, а против плановой экономики вообще. Согласно данному высказыванию, плановая экономика, вне зависимости от способов и путей ее реализации, воспринималась западными политиками и экономистами как нежизнеспособная и убыточная модель: «Некоторые вопросы, касающиеся политического, экономического и социального устройства “альтернативного”

¹ Упоминание войны здесь приурочено к военным действиям НАТО в Югославии 1999 г. и последующей оккупации ее территории войсками НАТО, в состав которых также входили военнослужащие Бундесвера из Восточной Германии.

общества [социалистического общества ГДР – В.М.], по сей день остались без ответа. Отсутствие теоретических решений данных проблем дало западным экспертам основание полагать, что социалистическая модель является нежизнеспособной» [4, с. 14]. И здесь также необходимо определить наиболее вероятную этическую аксиому, исходя из которой, плановая экономика не просто не эффективна, но, возможно, даже и противостоит естественности. Такой аксиомой может являться лишь культурно имманентная аксиома о частной собственности на средства производства, которая, в свою очередь, является главной ценностью рыночной экономики. Как утверждает М. Бьёик, такое отношение к государственной плановой экономике соответствовало духу того времени, когда на капиталистическом Западе господствовала идеология неолиберализма: «Государство тогда ассоциировалось с бюрократией, неэффективностью, громоздкостью и чрезмерной убыточностью. Тогда как гибкие рынки связывались, так сказать, с великой надеждой на светлое будущее» [1, с. 55]. На основании этого можно утверждать, что аксиома о верховенстве частной собственности и в данном высказывании является основополагающим аргументом, причем, можно даже сказать, радикальным аргументом, игнорирующим падение уровня жизни и социальные потрясения в Восточной Германии.

Этическая позиция № 3. «Альтернатив валютному союзу и приватизации не было».

Следующую позицию, оправдывающую социально-экономические потрясения в Восточной Германии, связанные с интеграцией с ФРГ, можно кратко выразить следующим образом: «Альтернатив валютному союзу не было» и «Альтернатив приватизации не было». Аргументом о безальтернативности валютного союза оправдывали свои действия западногерманские политики и чиновники: «Столкнувшись с катастрофическими последствиями поспешного валютного союза, чиновники утверждали, что это “безжалостная фатальность вынужденный ограничений” (“у нас не было выбора”))» [4, с. 30]. Сотрудники Тройханданштальта (организации, через которую осуществлялась приватизация восточногерманских предприятий), как утверждает М. Бьёик, также апеллировали к отсутствию альтернатив: «Сотрудники этого учреждения [Тройханданштальта – В.М.] говорили, что все было безальтернативно, что это был лучший из всех возможных в тех условиях вид мягкого кризис-менеджмента» [2].

Вообще всякое оценочное суждение в отношении тех или иных действий предполагает наличие альтернатив. Именно альтернативы дают основания оценить действие или бездействие. Ведь если все безальтернативно, то все предрешиено, а если все предрешиено, то никто не может изменить судьбу. Следовательно, никто не может быть ни осужден, ни награжден за свои действия в безальтернативной ситуации. Такой ход рассуждений в полной мере соотносится с метафизическим фатализмом. Однако вряд ли фатализм как метафизическая позиция сможет оправдать аморальный поступок или же преступление в повседневной жизни.

Поэтому, на наш взгляд, при рассмотрении позиций о «безальтернативности» необходимо обратиться к рассмотрению условного фатализма. Под условным фатализмом будем понимать действия, ограниченные заданными условиями, которые субъект в данный момент времени не может преодолеть. К такого рода фатализму можно отнести разного рода дилеммы, где человек должен выбрать из двух зол меньшее. Например, хирург, ампутируя

гангренозную конечность, «не может поступить иначе», хотя и приносит пациенту своими действиями боль и страдания, как телесные, так и душевные, так как иначе пациент умрет. В таких тяжелых случаях можно также сказать, что «альтернатив ампутации не было». Но альтернатив не было не в смысле метафизического фатализма, а в том смысле, что существовавшие в тех условиях альтернативы были гораздо хуже, чем деструктивные действия, которые произвел хирург в отношении больного.

Вероятно, аргументы «альтернатив валютному союзу не было» и «альтернатив приватизации не было» являются примерами такого условного фатализма. А это значит, что такие высказывания следует перефразировать. Высказывание о безальтернативности валютного союза в таком случае будет выглядеть следующим образом: «Тот валютный союз, который был заключен между ФРГ и ГДР и вступил в силу 1 июля 1990 г., имел за собой разрушительные последствия, но существующие такому валютному союзу альтернативы были гораздо хуже». Высказывание о том, что «альтернатив приватизации не было» можно перефразировать аналогичным образом: «Та приватизация, которая была проведена Тройхандом, имела за собой разрушительные последствия для Восточной Германии, однако работники Тройханда были в таких условиях, что все другие альтернативы оказались бы еще более разрушительными».

Для начала остановимся на аргументе о «безальтернативности» валютного союза двух Германий. Его разрушительность заключалась в том, что в его рамках был установлен курс, по которому восточная марка стала в три раза дороже своей реальной цены. Фриц Вилмар пишет об этом следующее: «Открытие границ, резкая либерализация экономики в стране, которая не была включена в мировую экономическую систему, и переоценка восточной марки почти в 300 % при курсе 1 к 1 – все это привело к существенной инфляции и в то же время подвергло восточногерманские предприятия страшным потрясениям, потому что их продукция в одночасье стала фактически стоить в три раза дороже» [4, с. 29].

В свою очередь, это привело к подорожанию восточногерманской продукции, сделав ее неконкурентоспособной, а предприятия убыточными. Как утверждает Маркус Бьёик, в ГДР существовали предприятия, которые смогли бы составить конкуренцию западногерманским производителям в случае, если бы восточная марка не была переоценена: «В сфере промышленности [у ГДР – В.М.] было много проблем, но, конечно, и там было не все так уж беспросветно. Там были и предприятия, которые вполне могли конкурировать с западными, по крайней мере, до валютного союза» [1, с. 50]. Часто неконкурентоспособность восточногерманских предприятий, с которыми имел дело Тройханд (а он стал работать по существу только с 3 октября 1990 г., т. е. через три месяца после заключения валютного союза), западногерманские политики и СМИ связывали с «отсталостью плановой экономики», в рамках которой 40 лет развивалась ГДР.

В ответ на такие претензии Ф. Вилмар приводит цитату из журнала *Wirtschaftswoche* («Экономическая неделя») от 16 августа 1991 г.: «Переоценкой восточногерманской марки консерваторы привели экономику бывшей ГДР в плачевное состояние. Такая переоценка привела бы любую относительно стабильную западноевропейскую страну к тяжелому кризису адаптации. “Представим себе, что Австрия присоединяется к ФРГ, а шиллинг конвертируется в немецкую марку по курсу 1 к 1. При таком курсе австрийские компании не смогут оставаться конкурентоспособными. Австрийская рыночная экономика, которая

на сегодняшний день так хорошо работает, рухнет в течение нескольких недель. Ответственность за это не будет лежать ни на рыночной, ни на плановой экономике» [9]. Эти слова, произнесенные редактором либерального журнала *Wirtschaftswoche*, отражают мнение многих экономических аналитиков» [4, с. 30].

И здесь нужно обратить внимание на то, существовали ли альтернативы такому разрушительному валютному союзу? Вилмар приводит аргументы в пользу того, что такие альтернативы были. В частности, на тот момент президент Бундесбанка Карл Отто Поль высказывал свои опасения о курсе валют 1 к 1. Об этом также можно прочитать у Фрица Вилмара: «Сразу после того, как было принято политическое решение об объединении ФРГ и ГДР, разгорелся спор между Бундесбанком, озабоченным валютно-кредитной стабильностью, и федеральным правительством по поводу обменного курса валют двух Германий. Эксперты, в свою очередь, предпочли дожидаться результатов выборов в Народную палату и только потом высказаться. Президент Бундесбанка Карл Отто Поль предупредил об опасности обмена валют по ставке 1 к 1 на заработную плату, оклады и цены, которую предпочел канцлер Коль. По мнению Поля, такой курс валют должен был возыметь непредсказуемые последствия для восточногерманской экономики; он же предлагал курс 2 или даже 3 к 1, что соответствовало значению восточной марки» [4, с. 27]. Остановимся лишь на этом моменте в рассмотрении политических перипетий перед заключением валютного союза в силу ограниченного объема статьи. Обратим внимание, что критика валютного союза со стороны серьезных экономистов существовала, и руководство ФРГ с такой критикой было знакомо. Таким образом, правительство ФРГ и канцлер Гельмут Коль были осведомлены о пагубных последствиях такого валютного союза для Восточной Германии и, несмотря на это, установили курс валют, где восточная марка была переоценена в три раза, что стало катастрофой для восточногерманских предприятий.

Следовательно, можно предположить, что катастрофический курс валют был установлен умышленно с целью уничтожения экономики конкурента – Восточной Германии. Такое предположение также полностью соотносится со схемой «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии». А это, в свою очередь, значит, что истинные цели ФРГ были полностью противоположны цели и одновременно этической аксиоме восточных немцев – улучшить благосостояние населения Восточной Германии. Следовательно, обещание восточным немцам процветания («*blühende Landschaften*»), вероятнее всего, были умышленным и осознанным обманом со стороны Гельмута Коля и его политической команды.

Далее стоит рассмотреть высказывание о том, что «альтернатив приватизации не было». Охарактеризовать это высказывание можно с нескольких сторон. Самым очевидным аргументом в его пользу является то, что экономика ФРГ выстроена по рыночным принципам с верховенством частной собственности и рыночной конкуренции, следовательно, подавляющее большинство «новых» (бывших плановых) предприятий, оказавшихся под юрисдикцией ФРГ, должны были стать рыночными, т. е. частными. Иными словами, этическая и политэкономическая аксиоматика ФРГ была такой, что почти все предприятия должны оказаться в частной собственности, безотносительно того, насколько такой ход будет полезен либо же разрушителен для экономики и населения только что присоединенных «новых земель».

Однако в отношении приватизации, которую стал проводить Тройханд, Фриц Вилмар усматривает и другие мотивы западногерманского правительства. В частности, он считает, что отказ раздать удостоверения о долевой собственности на восточногерманские предприятия каждому работающему восточному немцу могло представлять опасность для политического имиджа ФРГ. Опасность, по мнению исследователя, заключалась в том, что восточные немцы, имея на руках удостоверения о долевой собственности, могли объединиться и не допустить к управлению их предприятиями западных немцев: «В случае распределения народной собственности ГДР между ее гражданами возникало право восточных немцев на совместное использование этой собственности, что могло бы неожиданно подорвать позиции как будущих инвесторов, так и правительства Бонна» [4, с. 36]. Насколько в действительности восточногерманское население было способно к высокому уровню самоорганизации и построению социализма не через волю государства, а через самоорганизацию «снизу» сегодня сказать сложно, но даже такая гипотетическая возможность была убита в зародыше западногерманским правительством. В итоге приватизация проводилась при полном доминировании западных немцев, и подавляющая часть восточногерманских предприятий была передана в собственность выходцам из Западной Германии.

В таком контексте высказывание «передача восточногерманской народной собственности западным немцам была безальтернативной» также означает, что «оставление восточногерманской народной собственности в руках восточных немцев было еще большим злом». Но тут естественным образом возникает вопрос: «еще большим злом» для кого? Вероятно, для западногерманского правительства, которое могло потерять в такой ситуации контроль над «новыми землями». Вряд ли оставление восточногерманских предприятий в руках, пусть даже неопытных на тот момент в рыночных делах, восточных немцев было бы хуже, чем то, что с ними сделали западные немцы. Следовательно, и при второй трактовке высказывания о «безальтернативности приватизации восточногерманских предприятий» мы можем трактовать действия руководства ФРГ исключительно в пользу западногерманской экономики и политики, но никак не в пользу благосостояния восточных немцев.

Наконец, стоит рассмотреть непосредственно позицию работников Тройханда, которые использовали высказывание о «безальтернативности приватизации» как защиту от обвинений в том, что эта организация является «бандой преступников-неолибералов» [2]. К оценке работы Тройханданштальт, на наш взгляд, нужно подходить как минимум с двух сторон. С одной стороны, через Тройханд действительно проводились преступные сделки, и по данным фактам ряд сотрудников этой организации, а также инвесторов были привлечены к уголовной ответственности в рамках законодательной системы ФРГ. На недобросовестность западных инвесторов в своем интервью указывает Маркус Бьёик: «Инвесторы могли совершать сделки по фиктивному поглощению восточногерманских предприятий для того, чтобы заполучить только некоторые элементы этих предприятий, например, какие-нибудь двигатели, передовую и уникальную технику, или чтобы только заполучить дотации от государства на поддержку таких предприятий. Но были и отдельные случаи, когда нужно было таким образом избавиться от восточногерманских конкурентов и в от-

дельных случаях от конкурентов старались избавиться довольно бескомпромиссно» [2]. В силу того, что действия некоторых инвесторов и работников Тройханда были признаны преступными даже по законодательству ФРГ, аргумент о безальтернативности им никак не мог бы и в итоге никак не смог помочь. Этот аспект работы Тройханда хорошо известен и доказан, поэтому не является предметом нашего философско-методологического исследования.

С другой стороны, необходимо обратить внимание, что даже при отсутствии коррупционных скандалов приватизация, проводимая Тройхандом, все равно была бы разрушительной для Восточной Германии. Поэтому, на наш взгляд, стоит ответить на следующие вопросы: в каких политических и экономических условиях начал свою работу Тройханд? Действительно ли «история Тройханда – это история героев, которые отлично справлялись со своей работой, с работой, которая была уникальной и единственной в своем роде» [2]? Для ответа на эти вопросы необходимо учесть, что Тройханд начал работу спустя три месяца после проведения разрушительного для восточногерманской экономики валютного союза. При этом у данной организации была задача как можно скорее осуществить перевод госпредприятий бывшей ГДР на рыночные рельсы без учета социально-экономических последствий для населения Восточной Германии. В дополнение к этому, как мы указывали ранее, имелась установка от правительства ФРГ передать основную часть народной собственности Восточной Германии в руки именно западных инвесторов. К тому же при передаче восточногерманских предприятий под управление Тройханда взаимодействие данных предприятий как единой системы прекратилось, а с началом приватизации было полностью парализовано, так как все предприятия ГДР были единым организмом, и при ликвидации одного из элементов производственной цепочки нарушалась работа всех предприятий, относящихся к данной производственной линии.

В таких условиях сотрудники Тройханданштальта приступили к своей работе. Каждое из вышеперечисленных политических решений и установок существенным образом сужали спектр возможных действий работникам Тройханда. Стоит предположить, что в подобных условиях невозможно было избежать катастрофических последствий для Восточной Германии. И отчасти сотрудники Тройханда, вероятно, правы, что «могло быть все гораздо хуже». К тому же все эти пагубные для восточных немцев политические и экономические условия создали не сотрудники Тройханда, а правительство ФРГ и связанные с ней государственные и экономические структуры. Если же обратиться к нашей схеме «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии» и допустить ее истинность, то даже в ней Тройханданштальт является лишь инструментом по ликвидации экономики и социально-культурной жизни Восточной Германии (так как вся социально-культурная жизнь в ГДР была привязана к социалистическим предприятиям), а не первопричиной бедствий восточных немцев. Тут, как нельзя кстати, можно продолжить и несколько видоизменить метафору с хирургом, которую мы привели в качестве примера условного фатализма. На наш взгляд, действия Тройханда можно сравнить с действиями хирурга, который должен в срочном порядке вырезать для трансплантации органы (провести приватизацию) из человека (экономики ГДР), находящего при смерти. Приступив к операции, хирург понимает, что пациент умер, и нужно как можно скорее вырезать из него органы, которые еще можно будет пересадить в организм относительно здорового человека (экономику ФРГ), пока они

не испортились. Самое трагичное в такой ситуации заключается в том, что задачу вырезать из пациента органы для трансплантации поставил главный врач больницы (правительство ФРГ), обманувший пациента и нанеший ему ряд огнестрельных ранений (одним из таких «выстрелов» можно считать валютный союз). При этом сам хирург считал, что главный врач дал ему вполне законное задание. Врач сделал все, что было в его силах, спас некоторые органы, пригодные для трансплантации (предприятия бывшей ГДР), но человека (экономике ГДР) было уже не вернуть. Такое сравнение действий Тройханда с хирургом может показаться гротескным, однако, вероятнее всего, оно нашло бы поддержку у восточных немцев старшего поколения, заставших те события во взрослом возрасте.

Проверка гипотезы: инверсионная трактовка событий.

Для того чтобы понять, насколько представленная трактовка событий по схеме «обманщик агрессор/жертва обмана и агрессии» идеологически или ценностно предвзята, нам необходимо осознать, выражаясь языком Гадамера, свои предрассудки: «Поставить предрассудок как бы пред собою не удастся, пока он постоянно и незаметно играет свою роль; это становится возможным лишь тогда, когда он приведен, так сказать, в состояние раздражения» [10, с. 354]. Таким раздражением может послужить *инверсионная трактовка* рассмотренных нами событий. Под ней мы понимаем конструирование на умозрительном уровне аналогичной ситуации, где тот субъект, которого мы считаем жертвой, стал бы обманщиком-агрессором, а обманщик-агрессор – жертвой обмана и агрессии. Такая трактовка событий часто применяется и в психологии, где человек должен себя поставить на место другого, чтобы осознать ситуацию с позиций оппонента и осознать собственные предубеждения, которые в обычном состоянии нами не осознаются.

Итак, пример: представим себе параллельную реальность, в которой все еще существуют ФРГ и ГДР. Эти две Германии все также основаны на разных этических аксиомах: ФРГ – на аксиоме о верховенстве частной собственности в экономике, а ГДР – на аксиоме о верховенстве государственной (общественной, народной) собственности на средства производства. В определенный момент экономика ФРГ начинает по каким-то причинам стагнировать, а уровень жизни населения Западной Германии постепенно становится ниже, чем в Восточной Германии. Это продолжается значительное время, и все больше западных немцев недовольны своим правительством и все чаще начинают заявлять о необходимости интеграции ФРГ с ГДР под эгидой ГДР, т. е. с ликвидацией ФРГ и распространением власти Социалистической Единой Партии Германии на всю территорию Западной Германии. В Бонне, Кельне, Ганновере, Мюнхене и Франкфурте-на-Майне люди начинают выходить на протесты с лозунгами «Wir sind das Volk» и «Wir sind ein Volk», требуя объединения с ГДР. Войска НАТО тем временем в спешном порядке уходят из ФРГ.

В определенный момент рушится Берлинская стена, и западные немцы с эйфорией празднуют это событие. Примерно через полгода происходит валютный союз с переоценкой западногерманской марки в три раза, и вся внешняя торговля ФРГ в одночасье рушится: ее передовые автомобили и другая техника становятся неконкурентоспособными, вследствие этого начинаются массовые банкротства западногерманских крайне успешных (до валютного союза) рыночных предприятий. Через три месяца после проведения валютного союза заключается документ об интеграции (перед этим прошли законные выборы,

и западные немцы сказали «да» интеграции с ГДР) ФРГ в экономическую и политическую систему ГДР.

Сразу же в день объединения все рыночные предприятия ФРГ начинают национализироваться под эгидой отдельной государственной компании под названием «Западный филиал госплана ГДР». В процессе национализации выясняется, что в одночасье и без существенных издержек провести такую масштабную национализацию невозможно, однако экономика ГДР плановая, поэтому *альтернатив национализации нет*. Также «Западный филиал госплана ГДР» обнаруживает, что значительная часть предприятий ФРГ не может быть включена в длинные производственные цепочки плановой экономики, так как продукцию таких предприятий невозможно стандартизировать в короткие сроки под экономические регламенты госплана ГДР. Поэтому начинаются массовые закрытия рыночных предприятий, а также перенос передовых предприятий ФРГ на территорию ГДР. Безработица в ФРГ начинает принимать катастрофические масштабы, безработными в ФРГ стало уже около трети населения – около 20 млн человек на 60 млн жителей. Возникают протесты, но правительство ГДР запрещает СМИ освещать эти события полностью. Кроме того, все политические лидеры ФРГ, а также все сотрудники Федеральной разведывательной службы (Bundesnachrichtendienst) ФРГ подвергаются уголовному преследованию либо люстрации (за что именно там бы придумали). Открываются архивы Федеральной разведывательной службы ФРГ и арестовывается ряд агентов западной разведки (в том числе ЦРУ и МИ-6) из числа политических деятелей как ФРГ, так и ГДР. Все государственные посты на территории Западной Германии занимают восточные немцы. Образование, стаж и пенсионные накопления населения ФРГ аннулируются, а молодым женщинам отказывают в работе, так как они могут вскоре родить ребенка и сесть на пособие, а в столь «непростое для страны время» сидеть на пособии недопустимо. Со справкой о стерилизации молодых женщин из бывшей ФРГ легче принимают на работу в новой социалистической Германии.

На все упреки в свой адрес правительство ГДР, а также государственная организация «Западный филиал госплана ГДР» отвечают: 1) «Вы, западные немцы, сами хотели социализма и плановой экономики»; 2) «Вы сами виноваты, что строили эксплуататорскую и неэффективную рыночную экономику, читать надо вам было Маркса, Энгельса и Ленина»; 3) «Альтернатив валютному союзу и национализации не было, мы сделали все что могли, по-другому было бы только хуже».

При построении такой умозраительной ситуации важно представить, что ФРГ и ГДР поменялись местами. Такой пример у неравнодушных к судьбе западных, да и восточных немцев, на наш взгляд, может вызвать две реакции. Западные немцы и сторонники рыночной экономики, вероятнее всего, были бы решительно против такого развития событий. В свою очередь, некоторые восточные немцы, возможно, из чувства мести за свои страдания, перенесенные в 1990-е, были бы рады такому развитию событий и торжеству социализма в Германии. Здесь важно отметить, что если у оппонентов при *инверсионной трактовке событий* сразу же меняется отношение друг к другу и вообще к ситуации, то тогда мы можем с уверенностью сказать, что позиции таких субъектов необъективны и деструктивно предвзяты.

Однако может существовать и третий тип отношения к такого рода событиям, согласно которому и первая, и вторая (инверсионная) ситуации являются аморальными и в определенной мере преступными. При такой оценке этической аксиомой – ценностью, не подвергающейся сомнению, будет духовное и материальное благополучие людей, в том числе их честь и достоинство.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что аксиомы о частной или о социалистической собственности на средства производства совершенно не гарантируют достижения аксиоматической ценности духовного и (или) материального благополучия. При этом аксиома о духовном и (или) материальном благосостоянии также неполна и к тому же в максимальной степени абстрактна сама по себе, так как не предполагает конкретного способа ее достижения. Следовательно, этические и политэкономические аксиомы в своей отдельности неполны, а значит, нельзя в политических и экономических решениях следовать лишь одной этической (политэкономической) аксиоме, особенно в ситуации перехода общества из одной ценностно-аксиоматической системы в другую.

Несмотря на некоторую степень плодотворности данного исследования, стоит отметить, что схема «обманщик-агрессор/жертва обмана и агрессии» не является окончательным «приговором» в теме «объединения» ФРГ и ГДР. Скорее, данную схему следует воспринимать как инструмент, с помощью которого можно погрузиться в эту тему. Вполне вероятно, что на определенном этапе в будущем такая схема может быть полностью отвергнута научным сообществом, однако для того, чтобы ее отвергнуть или существенным образом дополнить, или видоизменить, нужно будет проводить не только глубокие исторические, но и философско-методологические исследования. Поэтому хотелось бы, чтобы данная статья стала не конечным результатом исследований, а дверью, через которую историки и философы могут войти в столь малоизученную, экзотическую, а потому и интересную тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 1 / пер. с нем. и коммен. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 3. С. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59.
2. Разговор об истории Тройханданштальт. Интервью с Маркусом Бьёиком. Часть 2 / пер. с нем. В. А. Миронова // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 4 (в печати).
3. Böick M. Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018.
4. Vilmar F., Guittard G. La face cachée de l'unification allemande. Paris: l'Atelier, 1999.
5. Bremond C. The Logic of Narrative Possibilities // New Literary History. 1980. Vol. 11, no. 3. P. 387–411. DOI: <https://doi.org/10.2307/468934>.
6. Die Annexion der DDR. 1999. URL: <https://www.fdj.de/infoportal/index.html?artikel/html/annexion> (дата обращения: 05.04.2023).
7. Honecker in Untersuchungshaft // Die Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/deutsche-einheit/honecker-in-untersuchungshaft-390304> (дата обращения: 05.04.2023).
8. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
9. Wirtschaftswoche. URL: <https://archiv.wiwo.de/global/index> (дата обращения: 05.04.2023).

10. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.

Информация об авторе.

Миронов Василий Анатольевич – кандидат философских наук (2018), научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Института философии и права Новосибирского государственного университета (НГУ), участник программы приглашенных исследователей НГУ, ул. Пирогова, 2, г. Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия исторических наук, философия геологии, философия истории, этика.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.05.2023; принята после рецензирования 12.05.2023; опубликована онлайн 21.09.2023.

REFERENCES

1. "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 1", Transl. by Mironov, V.A., *DISCOURSE*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 44–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-3-44-59.
2. "The Talk about the History of the Treuhandanstalt. Interview with Markus Böick. Part 2", Transl. by Mironov, V.A., *DISCOURSE*, 2023, vol. 9, no. 4 (in print).
3. Böick, M. (2018), *Die Treuhand. Idee – Praxis – Erfahrung 1990–1994*, Wallstein Verlag, Göttingen, DEU.
4. Vilmar, F. and Guittard, G. (1999), *La face cachée de l'unification allemande*, l'Atelier, Paris, FRA.
5. Bremond, C. (1980), "The Logic of Narrative Possibilities", *New Literary History*, vol. 11, no. 3, pp. 387–411. DOI: <https://doi.org/10.2307/468934>.
6. *Die Annexion der DDR*. 1999, available at: <https://www.fdj.de/infoportal/index.html?artikel/html/annexion> (accessed 05.04.2023).
7. "Honecker in Untersuchungshaft", *Die Bundesregierung*, available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/themen/deutsche-einheit/honecker-in-untersuchungshaft-390304> (accessed 05.04.2023).
8. Macintyre, A. (2000), *After Virtue: a Study in Moral Theory*, Transl. by Tselishchev, V.V., Akademicheskiiy Proekt, Delovaya kniga, Ekaterinburg, Moscow, RUS.
9. *Wirtschaftswoche*, available at: <https://archiv.wiwo.de/global/index> (accessed 05.04.2023).
10. Gadamer, H.-G., (1988), *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*, Transl., in Bessonov, B.N. (ed.), Moscow, Progress, USSR.

Information about the author.

Vasiliy A. Mironov – Can. Sci. (Philosophy, 2018), Researcher at the Laboratory of Analysis and Forecasting of Integration Processes in Modern Eurasia, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (NSU), participant of the program of invited researchers of NSU, 2 Pirogova str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of more than 25 scientific publications. Area of expertise: philosophy of historical sciences, philosophy of geology, philosophy of history, ethics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.05.2023; adopted after review 12.05.2023; published online 21.09.2023.